

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 111–115
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 111–115

Научная статья
УДК [94(470.44):338.441.8][1930/1935]
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-111-115>

Социально-экономическая повседневность единоличных хозяйств Саратовского Поволжья в первой половине 1930-х годов

В. А. Котельников

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Котельников Вадим Алексеевич, аспирант кафедры отечественной истории и историографии, kotelnikov_va_94@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0007-2699>

Аннотация. В статье исследуются особенности жизнедеятельности крестьян-единоличников Саратовского Поволжья в условиях доминирования коллективных хозяйств. На основе архивных документов раскрываются направленность и содержание государственной политики по отношению к индивидуалам. Пережив трудности первых лет коллективизации, единоличники стали постепенно приспосабливаться к новым условиям и проявлять свою жизнестойкость в неблагоприятной обстановке. В результате вместо того, чтобы вливаться в коллективную систему, они ее дискредитировали. Поэтому особое внимание уделяется политике советского руководства и действиям местных властей по отношению к единоличным хозяйствам. В результате государственной политики, выражавшейся в административном давлении и ужесточении налогового пресса к середине 1930-х гг., происходило постепенное сокращение единоличного сектора.

Ключевые слова: единоличники, крестьянство, приусадебный участок, Саратовское Поволжье, социальные преобразования, налоги

Для цитирования: Котельников В. А. Социально-экономическая повседневность единоличных хозяйств Саратовского Поволжья в первой половине 1930-х годов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 111–115. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-111-115>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-111-115>

Socio-economic everyday life of individual farms in the Saratov Volga region in the first half of the 1930s

Vadim A. Kotelnikov, kotelnikov_va_94@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0007-2699>

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Abstract. The article examines the features of the life of individual peasants in the Saratov Volga region in the conditions of the dominance of collective farms. On the basis of archival documents, the direction and content of state policy in relation to individuals is revealed. Having survived the nightmare of the first years of collectivization, individual farmers began to gradually adapt to new conditions and show their resilience in an unfavorable environment. As a result, instead of joining the collective system, they discredited it by their example. Therefore, special attention is paid to the policy of the Soviet leadership and the actions of local authorities in relation to individual farms. As a result of state policy, expressed in administrative pressure and a tightening of the tax press by the mid-1930s there was a gradual reduction in the sole sector.

Keywords: individual farmers, peasantry, personal plot, Saratov Volga region, social transformations, taxes

For citation: Kotelnikov V. A. Socio-economic everyday life of individual farms in the Saratov Volga region in the first half of the 1930s. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 111–115 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-111-115>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Сплошная коллективизация коренным образом трансформировала традиционное устройство деревни. На место мелких крестьянских хозяйств пришли коллективные, а колхозники стали новой социальной основой государства. Единоличное

хозяйство рассматривалось как явление временное и чуждое социалистическому устройству. Соответственно, и политика по отношению к нему была ориентирована на постепенное его свертывание и ликвидацию.

Разрушительные последствия коллективизации и в земледелии, и в животноводстве, крупномасштабное изъятие продовольствия из деревни, спровоцированный массовый голод превратили повседневную жизнь крестьян, как колхозников, так и единоличников, в борьбу за существование, за выживание, где основное внимание уделялось социально-экономическим проблемам.

Несмотря на жесткое давление государства, единоличные хозяйства, получавшие доходы со своего двора, оставались¹. По мере наращивания темпов реформы и тотального обобществления крестьяне-единоличники лишались не только посевов, инвентаря, рабочего скота, но и плодородной земли, которая была отдана им в пользование еще на основании Декрета о земле.

Естественно, под воздействием такого порядка землеустройства удельный вес не вступающих в сельхозартели стал сокращаться. Несмотря на массовый выход крестьян из колхозов весной 1930 г., уже в мае того же года на V пленуме Нижне-Волжского крайкома ВКП (б) были озвучены первые достижения аграрной модернизации. Первый секретарь крайкома Б. П. Шеболдаев отчитывался, что «колхозы засеяли по краю 7 с лишним гектаров, а единоличный сектор засеял 2 гектара с небольшим». Данные приводились исходя из среднего количества засеянных гектаров колхозной земли, приходившихся на одного колхозника, и земли, находившейся в пользовании единоличников и приходившейся на одного единоличника².

Как известно, стимулирование коллективизации проводилось и за счет политики ликвидации кулачества, депортации кулаков за пределы постоянного места жительства. Более того, Постановлением ЦИК и СНК СССР от 23 декабря 1930 г. право устанавливать и менять критерии зачисления единоличных хозяйств в разряд кулацких было дано региональным органам власти в зависимости от местных условий³. Такой подход привел к росту общего числа раскулаченных семей.

Одновременно менялась система налоговых платежей. В 1931 г. для всех индивидуальных хозяйств были повышены нормы доходности по сельскохозяйственным культурам и неземледельческим доходам. В результате единоличники должны были платить налоги, превышающие более чем в 10 раз налоги колхозника⁴. К тому же индивидуальные крестьянские хозяйства должны были выполнять обязательные планы по хлебозаготовкам. Постановлением Нижне-Волжского краевого исполнительного комитета от 25 февраля 1933 г. «Об обязательной поставке зерна государству» устанавливалось для индивидуальных хозяйств размеры сдачи зерна с 1 га на 10% выше колхозных норм⁵.

Весной того же года для 38 индивидуальных хозяйств села Перекопное Ершовского района был утвержден план посева в 123 га, из которого

крестьяне засеяли всего 7 га. За отказ от посевной кампании у единоличников было конфисковано 6 лошадей, а 2 чел. были отданы под суд по ст. 61 УК РСФСР за отказ от выполнения повинностей, общегосударственных заданий или производства работ. Данная статья предусматривала штраф до пятикратного размера стоимости наложенного задания, а если человек привлекался повторно, ему грозило лишение свободы или исправительно-трудовые работы на срок до одного года; те же действия, совершенные кулацкими элементами, хотя бы и в первый раз, или же другими лицами при отягчающих обстоятельствах – створ группы лиц или оказание активного сопротивления органам власти в проведении повинностей, заданий или работ – предусматривали лишение свободы на срок до двух лет с конфискацией всего или части имущества. В результате 21 хозяйство окончательно покинуло село⁶.

Но даже после ужесточения административных мер вовлечь всех крестьян в колхозы не удавалось, потому что поспешно созданные и слабые в организационно-хозяйственном отношении артели были для единоличников непривлекательны.

На январском (1933 г.) Пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б) в разгар массового голода было объявлено об успешном и досрочном выполнении первой пятилетки, а задача вовлечения единоличников в колхозы считалась в основном выполненной. Основное внимание было переключено на хозяйственно-организационное укрепление созданных колхозов, чистку их от «чуждых элементов» и «классовых врагов». Относительная стабилизация социально-политической обстановки положительно сказалась на состоянии хозяйств, сохранивших свою самостоятельность. Пережив натиск первых лет коллективизации, крестьяне стали постепенно приспосабливаться к новым условиям.

Единоличники нанимались на сезонную работу в близлежащие совхозы, так как в них часто не хватало работников для освоения значительных земельных площадей. Сотрудник политотдела Ново-Покровской МТС, обслуживавшей колхозы сел Ново-Покровское, Муромка и Потрясовка, где к 1934 г. сохранилось около 200 индивидуальных хозяйств, отмечал в своем донесении: «Крестьянские хозяйства, не вошедшие в колхоз, в своих селах пользуются лишь домами для жилья семей и огородами. Хозяин и трудоспособные члены семьи работают на постоянной работе в ближайших совхозах, и незначительная часть хозяйств выехала на заработки в промышленные города»⁷.

Однако все же главным занятием большинства единоличников была обработка приусадебного участка, сосредоточившаяся на развитии особо рентабельных садово-огороднических культур. Такие хозяйства традиционно концентрировались и успешно развивались в ряде сел, располагавшихся вблизи городов, райцентров, где был постоянный рынок сбыта производимых ими овощей (томатов, лука, огурцов, капусты, картофе-

ля), поскольку выращивание зерна для этих пригородов не являлось основным. Большая часть их находилась в следующих районах: Баландинском (1481 хозяйство), Новоузенском (1196 хозяйств), Вязовском (840 хозяйств), Питерском (679 хозяйств)⁸. В Постановлении ВЦИК и СНК СССР от 20 мая 1932 г. «О порядке производства торговли колхозов, колхозников, и трудящихся единоличных крестьян» разрешалась колхозная торговля на жестко регулируемом рынке, но только после выполнения всех обязательств перед государством⁹.

Особо предприимчивые единоличники стремились не к сокращению, а к наращиванию своего потенциала, обрабатывая заброшенные земли. Стремясь извлечь выгоду, администрация сельсоветов сдавала в аренду единоличникам приусадебные участки раскулаченных и высланных крестьян, а также тех, кто покинул свои хозяйства и перебрался в город. Земля сдавалась по цене от 10 до 50 руб. за участок («загон») размером 3–5 саженей ширины на 40–50 саженей длины. Хотя Постановлением СНК СССР от 21 июля 1925 г. была введена метрическая система мер, в деревне традиционно продолжали пользоваться русской системой мер, привязанной еще Петром I к английской системе мер, где одна дореволюционная сажень равнялась 7 английским футам, т. е. 213,36 см.

Бесхозные огороды и огороды раскулаченных сдавались в аренду по 5 коп. с квадратной сажени. Подобная практика позволяла скрывать часть доходов, так как эти земли считались пустующими, а значит, посевы на них налогом не облагались.

«В селе Ольшанке Аркадакского района, — отмечается в докладной записке Саратовского крайкома партии за 1934 г., — дело доходило до прямого захвата лучших участков земли в севообороте колхоза, до самовольного выпаса скота по сенокосным площадям и потравы посевов колхоза». В селе Гремячке Вязовского района «сады и ягодники отбирались у колхозников и передавались единоличникам». В результате получилось, что на 175 хозяйств единоличников имеется 73 сада, а на 202 хозяйства колхозников — 71 сад¹⁰.

Такая ситуация не могла не беспокоить местных партийных руководителей. В одной из докладных записок Балтайского райкома партии в Саратовский крайком ВКП (б) от 1 июля 1934 г. предлагалось «ограничить единоличников в размерах пользования приусадебными огородами до пределов личной потребности овощами и небольшой товарности — установить норму на одного едока 0,06 га. Посевы зерновых культур допустить производить только в полевых землях»¹¹.

Главным преимуществом единоличника была возможность иметь лошадь. Пользуясь тем, что правление колхозов не дает колхозникам лошадей, они стали возить на базар односельчан, обрабатывать колхозникам огороды на приусадебных участках, благодаря чему их доход стал быстро расти.

В 1934 г. из сел Саратовского края регулярно поступали сообщения о том, что часть не состоящих в колхозе крестьян не выполняет обязательства, ускользает от налогового обложения в результате сокрытия всех источников заработка и таким образом обогащаются. Так, в Аркадакском районе «единоличник К. А. Лагутин только за весну 1934 г. обработал огороды 5 колхозникам, получив за каждый огород от 75 до 100 р. Кроме того, занимаясь доставкой продуктов на рынок, зарабатывал по 25 р. с воза. В том же районе единоличник Володин, получил от полеводства 151 р., от огорода 600 р., от отходничества 1080 р.; единоличник В. Н. Кудряшов получил от полеводства 171 р., от огорода — 800 р., от продажи молока и масла — 900 р., от отходничества — 950 р.»

Немало аналогичных примеров было и в других районах.

Екатериновский район. «Единоличник Чельников заработал извозом — 1000 руб.»;

Лопатинский район. «Рузаткин И. А., не выполнил план мясосдачи, сельсоветом к ответственности не привлекается, занимаясь извозом, заработал в год не менее 1500–2000 руб.»¹².

Все эти доходы единоличники получали в то время, когда среднегодовой доход колхозника Саратовского Поволжья, включая и АССР Немцев Поволжья, составлял 90–150 руб.¹³ Потому-то проводимая работа по вовлечению единоличников в колхозы не имела большого успеха.

Действия единоличников вызывали «нездоровые настроения» в колхозах. Так, колхозник Манышев Сердобского района сетовал: «Единоличник живет лучше, чем колхозник, он работает там, где ему хочется. Они... зашибают и деньги, и хлеб, а нам, колхозникам, не дают не только денег, но даже хлеба во время работы»¹⁴.

Наличие тягла повышало мобильность единоличников и позволяло зарабатывать на перевозке продукции, поэтому единоличников часто обвиняли в занятии спекуляцией. Лишь через несколько лет — после принятия 21 августа 1938 г. на Второй сессии Верховного Совета СССР закона о государственном налоге на лошадей единоличных хозяйств — держать в таком хозяйстве даже одну лошадь стало невыгодно.

Однако в начале 1930-х гг., в условиях постоянного недоедания и острого дефицита товаров повседневного спроса, перекупщики были востребованы. В большинстве это также были единоличники. Они выполняли связующую роль между городом и деревней¹⁵, скупая у колхозников сельхозпродукцию, выращенную на приусадебных участках, и избавляя, таким образом, сельских жителей от необходимости самим везти ее на большие расстояния в города и райцентры на продажу. Доклады советско-торгового отдела крайкома ВКП (б) показывают возраставший спрос городского населения на продукты за счет приезжающих из района колхозников и единоличников: «В Балашове был базар и в результате

этого резко повысился спрос на хлеб, так если суточная продажа хлеба составляла 16,3 т., то 10 января 1935 г. было продано свыше 30 т. И все остатки хлеба»¹⁶.

Чтобы запретить частным торговцам нарушение «социалистического» законодательства, государство начало на них охоту. В директиве крайисполкома от 9 октября 1934 г. «О борьбе за выполнение плана хлебозакупок» предусматривалась борьба со спекулянтами, скупщиками, в том числе с единоличниками и колхозниками, «продающими хлеб на рынке до выполнения ими своих обязательств перед государством». Если в этой продаже они были замечены впервые, то всем городским и районным прокурорам и нарсудьям Саратовского края предлагалось привлекать их к судебной ответственности по ст. 105 за нарушение правил торговли, – исправительно-трудовые работы на срок до одного года или штраф до двух тысяч рублей, а за систематическую продажу судить по ст. 107 УК РСФСР спекуляция продуктов сельского хозяйства и предметов массового потребления – с лишением свободы на срок не ниже пяти лет с полной или частичной конфискацией имущества¹⁷.

Некоторое улучшение положения единоличного крестьянства, по сравнению с колхозным, совместно с массовыми чистками колхозов привело к замедлению и даже временной остановке темпов коллективизации. Из приведенных в таблице данных видно, что, начиная с 1932 г., рост процента коллективизации по краю шел не за счет абсолютного увеличения числа хозяйств в колхозах, а за счет уменьшения общего числа крестьянских хозяйств. Все это вызывало крайнее беспокойство у власти.

По указанию И. В. Сталина 2 июля 1934 г. в Кремле было созвано специальное совещание по вопросу о коллективизации и единоличнике. В работе совещания участвовали члены ЦК партии и секретари республиканских, краевых и областных партийных организаций. В ходе выступлений подчеркивалось, что райкомы партии и политотделы ослабили внимание к единоличнику, не изучали причины выходов крестьян из колхозов. Итоги совещания подвел Сталин, который обвинил в ошибках и просчетах местных руководителей:

«Кто вам велел допускать, чтобы единоличник арендовал землю? Кто вам велел допускать, чтобы усадебные хозяйства у индивидуальных были больше, чем у колхозников? Их надо воспитывать в порядке экономических и финансовых мероприятий... усилить налоговый пресс»¹⁹.

По итогам июльского совещания в ЦК ВКП (б) была подготовлена Докладная записка от 9 августа 1934 г. «Об извращениях в правовом и экономическом положении колхозников и единоличников в Саратовском крае», в которой содержался конкретно-аналитический материал о положении единоличников и принятых мерах по укреплению колхозов. На основании этой проверки в 34 сельсоветах, 12 районах и 2 кантонах АССР Немцев Поволжья была выявлена «недопустимая практика вопиющих нарушений закона Советской власти о земле». Руководителям районных организаций предписывалось немедленно разорвать все договоры аренды, всем ответственным были вынесены выговоры и наказания вплоть до отдачи под суд. На все неучтенные земли, засеянные огородными культурами, были наложены обязательства по хлебозаготовкам²⁰.

Уже через месяц 27 сентября 1934 г. на основе постановления оргкомитета ЦИК Саратовского края было проведено очередное землеустройство пустующих земель – выработка определенных правил и нормативов их использования. В результате все полевые и приусадебные участки крестьян, утративших на них право, поступали в общественный фонд колхозов и должны были использоваться для целей обобществленного хозяйства или передаваться отдельным колхозникам под усадебные угодья. Самовольная и непредусмотренная законом передача земель сельскохозяйственного назначения в аренду за плату категорически воспрещалась, а лица, виновные в этом, подлежали суровой ответственности²¹.

26 сентября 1934 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О единовременном налоге на единоличные крестьянские хозяйства», в котором значительно повышались ставки налога в зависимости от наличия средств производства и рыночных доходов, а также ужесточилась ответственность единоличников за выполнение обязательных поставок и выплат денежных платежей.

Соотношение коллективизированных и единоличных крестьянских хозяйств в Саратовском крае (включая АССР немцев Поволжья) с 1929 по 1934 гг. (на начало каждого года)¹⁸

Крестьянские хозяйства	Годы					
	1929	1930	1931	1932	1933	1934
Всего хозяйств, тыс.	572,9	574,4	508,1	471,2	399,6	323,8
Состоит в колхозе, тыс.	35,7	218,5	449,3	415,3	344,1	296,4
Единоличных хозяйств, тыс.	537,2	355,9	58,8	55,9	55,5	27,4
Процент коллективизации	6,2	38,0	88,5	86,0	86,1	91,5
Процент единоличных хозяйств	95,8	62,0	11,5	14,0	13,9	8,5
Количество колхозов	1901	1306	1746	1815	1908	2025

Теперь, если облагаемое хозяйство не совершало денежные платежи в срок, судебным органам предоставлялось право конфисковать часть его имущества за исключением предметов первой необходимости.

17 февраля 1935 г. II Всесоюзным съездом колхозников-ударников СССР был принят новый Примерный устав сельхозартели. Он был утвержден постановлением Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б). За колхозами земля закреплялась «навечно», устанавливались размеры приусадебного участка, крестьяне получали известную юридическую гарантию от государства. Окончательно определялись и границы колхозных земель, причем сокращение этих земель Уставом не предусматривалось, а допускалось лишь увеличение их площадей либо за счет свободных земель государственного фонда, либо за счет излишних земель, занимаемых единоличниками²².

В инструктивном письме от 15 сентября 1935 г. Наркомат земледелия СССР продолжил генеральную линию по вытеснению индивидуального сектора на периферию. Местным земельным органам было дано указание, согласно которому «вкрапленные земли единоличников выводятся за границы колхозного массива на дальние и худшие участки». После принятых мер вкуче с налоговым прессом численность единоличных хозяйств начала стремительно снижаться. В итоге процент коллективизации в Саратовском крае, по сравнению с 1934 г. (91,5%), повысился на 6,3% и составил к концу 1935 г. 97,8%²³.

В последующие годы государственная политика ликвидации единоличных хозяйств путем административного и экономического давления на них продолжилась, а решение социально-экономических проблем оставалось главной задачей их повседневной жизни.

Примечания

¹ См.: *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы : деревня. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 172.

² См.: Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 55 (Нижне-Волжский крайком ВКП (б)). Оп. 1. Д. 215. Л. 49.

³ См.: *Ильиных В. А.* Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. / отв. ред. А. А. Николаев. Новосибирск : ГУП РПО СО РАСХН, 2004. С. 34.

⁴ См.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы : в 5 т. Т. 2 : Ноябрь 1929 – декабрь 1930. М. : РОССПЭН, 2000. С. 19.

⁵ См.: ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 335. Л. 8.

⁶ Там же. Ф. 2863 (Уполномоченный комиссии партийного контроля при ЦК ВКП (б) по Саратовской области). Оп. 6. Д. 8. Л. 172.

⁷ Там же. Ф. 594 (Саратовский обком КП РСФСР). Оп. 1. Д. 25 Л. 31.

⁸ Там же. Л. 32.

⁹ См.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Т. 3. Конец 1930–1933. М. : РОССПЭН, 2001. С. 414.

¹⁰ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 25. Л. 26.

¹¹ Там же. Д. 51. Л. 22.

¹² Там же. Д. 25. Л. 33.

¹³ Там же. Л. 30.

¹⁴ Там же. Ф. 2863. Оп. 6. Д. 8. Л. 165.

¹⁵ См.: *Осокина Е. А.* За фасадом «сталинского изобилия» : Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М. : РОССПЭН, 1999. С. 99.

¹⁶ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 487. Л. 26.

¹⁷ Там же. Д. 55. Л. 31.

¹⁸ Там же. Д. 51. Л. 54–55.

¹⁹ *Зеленин И. Е.* Коллективизация и единоличник (1933 – первая половина 1935 г.) // Отечественная история. 1993. № 3. С. 41.

²⁰ См.: ГАНИСО. Ф. 2863. Оп. 6. Д. 8. Л. 170.

²¹ См.: Правда Саратовского края. 1934. 27 сент.

²² См.: Примерный устав сельскохозяйственной артели // Известия. 1935. 18 февр.

²³ См.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Т. 4 : Конец 1934–1936. М. : РОССПЭН, 2002. С. 636.

Поступила в редакцию 10.10.2020, после рецензирования 20.10.2020, принята к публикации 05.11.2020
Received 10.10.2020, revised 20.10.2020, accepted 05.11.2020